

СМЫСЛООБРАЗУЮЩИЕ КОМПОНЕНТЫ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Т. Л. Новикова

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого

Членение художественного текста (ХТ) на его синтаксические составляющие в их установленном традицией виде (предложение, сложное синтаксическое целое – ССЦ) мало что дает для постижения тех смыслов, которые являются для понимания его образной структуры сущностными, предпосылающими коммуникативную волю субъекта сознания субъекту восприятия.

Самым важным в ХТ является тот коммуникативный урок, который адресант предпосылает своему адресату. «Упаковывается» коммуникативное намерение в него отправителем каждый раз по-разному – дело адресата заключается в максимально адекватном и бережном его “распаковывании”. Именно с извлечением коммуникативного замысла из текста ученые связывают *интерпретацию*, в отличие от *понимания* и *толкования*, рассматривая интерпретацию как особого рода «кодирование декодированного смысла», при котором “освобожденный смысл вновь упаковывается, т. е. обретает иную форму – метатекст” [5, 146–147]. Из этого следует, что для извлечения коммуникативного замысла из ХТ адресату необходимо первоначально развернуть его денотативно-сигнификативное пространство, заполняющее фактуальную часть содержащейся в нем информации и представляющее собой линейную последовательность когерентно соотношенных смыслов. Этот шаг связан с выделением ССЦ в его традиционном осмыслении, с поэтапным и последовательным развертыванием фактуальной части информации, заключенной в тексте. Это то, что принято называть *пониманием* текста.

Второй шаг погружения в смысловую структуру ХТ базируется на выделении из фактуальной части информации таких кусков текста, которые напрямую связаны с развитием событий, представленных в ней. Это то, что позволяет выделять субъекту восприятия наиболее заметные и решающие в динамике развития текста отрезки событийной части его информации и что осознается как *толкование* текста. Назовем такие отрезки текста *концептуально значимыми сюжетными эпизодами* (КЗСЭ).

КЗСЭ – это такой отрезок линейно-синтаксической цепи ХТ, который представляет собой содержательно-тематическое объединение денотативно-сигнификативного наполнения из фактуальной части его информации и который локализован рамками полной исчерпанности динамического развития того или иного события. КЗСЭ можно представить как совокупность кадров, из которых субъектом сознания по его прихоти и воле монтируется полностью завершённый фрагмент вымышленной действительности. Но при этом КЗСЭ выделяется совершенно объективно и адекватно любым усредненным сознанием субъекта восприятия, потому что один КЗСЭ отделяется от всякого другого на основе таких освоенных лингвистикой текстовых категорий, как когерентность, когезия и континуум [3]. Образующими КЗСЭ компонентами являются прежде всего нарративные действия, имеющие свое начало и свой конец в простом, обывательском, смысле этого слова. Значит, КЗСЭ всегда связан с нарративным развитием события, имеющим в качестве своих обязательных строевых элементов локальный, темпоральный и объектно-субъектный детерминант. Таким образом, каждый КЗСЭ имеет в качестве начальных и конечных точек своей развернутости детерминантную рамку в виде семантических компонентов со значением локального или темпорального признаков. Каждый КЗСЭ очерчивает круг своих лиц как участников того или иного события, поэтому он обязательно детерминирован своим репертуаром кореферентных единиц. Переключение с одного списка кореферентных имен на другой создает новый событийный шаг и порождает новый КЗСЭ.

К примеру, КЗСЭ I из повести А.С. Пушкина “Выстрел” начинается словами “*Мы стояли в местечке ****”, а заканчивается словами, начинающимися КЗСЭ II: “*Однажды человек десять наших офицеров обедали у Сильвио*”. Заканчивается же КЗСЭ II словами, начинающимися КЗСЭ III, – “*На другой день в манеже мы спрашивали уже, жили еще бедный поручик...*”. Если детерминантная рамка, очерчивающая I КЗСЭ, связана с общим представлением о месте, о всеохватном времени повествования, которое привязано как к своей

точке отсчета лишь к общей экспозиции, а субъектом становится весьма общее представление об участниках повествования, совместно представленных с диегетическим повествователем (*мы*), – то детерминантная рамка II КЗСЭ переключается на совершенно конкретных лиц, известных и непосредственно взаимодействующих с повествователем (*человек десять наших офицеров*), на совершенно другой временной план, представленный здесь пусть и неопределенно для адресата, но совершенно конкретно для повествователя и остальных участников события (*однажды*), а также на совершенно конкретное место его развития (*у Сильвио*).

Границы и число ССЦ и КЗСЭ в тексте, как правило, не совпадают. Так, в повести А.С. Пушкина “Выстрел” обнаруживается 56 ССЦ, а количество КЗСЭ составляет 10. Вычленение КЗСЭ связано с предваряющим его вычленением ССЦ и осуществляется на этой основе. Однако спорность проблемы, связанной с установкой границ ССЦ и оснований для их отделения друг от друга, при определении зоны КЗСЭ снимается, потому что не носит в этом случае принципиального характера.

Но ни выделение ССЦ, ни выделение КЗСЭ, само по себе, не продвигает текст к его успешной интерпретации, если относиться к тексту как к “пространству, где идет процесс образования значений, то есть процесс *означивания*”, а к интерпретации – как к “проникновению в смысловую объем произведения, в процесс *означивания*”, при котором текстовый анализ связан с необходимостью “проследить *пути смыслообразования*” [2, 424–425]. Только “концептуально значимый смысл, являющийся элементом концепции” и связанный с “процессом концептуальной обработки мысли” [4, с. 77], способен привести к адекватной и успешной интерпретации ХТ. Поэтому третий шаг в прочтении смысла текста, связанный с его *интерпретацией* на основе первично произведенного его понимания и толкования, рассчитан на выделение совершенно особых компонентов смысловой организации текста – *концептуальных*.

Смысловым концептом текста (СКТ), или, иначе, *текстовым концептом*, можно назвать тот сгусток коммуникативно значимой информации, который связан с исходящей от говорящего интенцией “упаковать” и со способностью адресата “распаковать” особые смысловые компоненты, являющиеся направленными, наведенными на общую концептуальную информацию текста, на

общий коммуникативный замысел актуального художественного вымысла. Эти *концептуально значимые компоненты* (КЗК) закодированы в такие слова, которые способны быть не только выразителями субъективного начала, но и образовывать поле общей эмотивной тональности ХТ [ср.: 1, с. 127]. К таким концептуально значимым компонентам в первую очередь могут быть отнесены *концептуально значимые фрагменты* (КЗФ).

КЗФ выделяется на базе различного рода имплицатур, произведенных субъектом восприятия при квалификации КЗСЭ. КЗФ имеет отношение к модальному значению. Модальное значение задается с помощью эксплицитного или имплицитного способа своего выражения в КЗСЭ компонентов (слов и словосочетаний), способных быть носителями и проводниками актуального эмотивного смысла [6, 69], то есть такого содержания слов и словосочетаний, которое предрасположено выражать в тексте любое субъективное начало как субъективное отношение говорящего к представленному в том или ином эпизоде событию. Эмотивное значение здесь понимается как такое смысловое наполнение языковой единицы, которое отмечено в качестве ядерного содержания признаком со значением оценки или эмоции во главе с семантическим параметром ‘имеющий отношение к проявлениям внутреннего мира человека’. Концентрация компонентов со значением эмотивного признака в таком его широком понимании в одной какой-либо точке семантического пространства текста, их нетривиальное использование, максимально расходящееся с их конвенциональным содержанием, а также их притяжение друг к другу на основе амбивалентности – всё это служит объективным основанием для их обнаружения, выделения и для последующего установления на их основе границ концептуально значимых фрагментов. Таким образом, первоэлементом для выделения КЗФ становятся те компоненты, которые наиболее примечательны для субъекта восприятия и представляют собой по отношению к коммуникативному итогу произведения актуальные эмотивные смыслы.

Однако не всякое эмотивное значение само по себе способно достоверно передавать интенции говорящего как коммуникативно направленный и коммуникативно наведенный акт адресанта, а только такое, которое может быть переведено из субъективного описания объективной ситуации в объективированное описание субъективно представленной в ХТ ситуации. Вполне возможно разрабо-

тать жесткую схему подобного рода преобразования слов со значением эмотивного значения в тексте в имена-символы эмотивных значений. Общеизвестно, что слово, обозначающее (выражающее), к примеру, ту или иную эмоцию, ту или иную оценку, и имя этой эмоции или оценки, хотя и взаимодействующие, но совершенно разные значимости. Так, например, проводя различие между значениями слов *стыд* и *позор*, А. Д. Шмелев замечает, что “*позор* – это субъективное (т. е. интерпретирующее) описание объективной ситуации, а *стыд* – это объективированное описание субъективных чувств по поводу такой ситуации или способности испытывать такие чувства” [7, 393]. Несколько преломляя данные наблюдения и применяя их к потребностям описания текстовой модальности, можно сказать, что эксплицитно выраженные в КЗФ слова со значением эмотивного признака – это своего рода *субъективное описание той или иной объективной ситуации*, выражение широкого спектра оценок и чувств по отношению к актуальному в заданный момент восприятия предмету мысли. Имена-символы эмотивных значений, необходимые для установки содержания текстовой модальности в пределах заданного КЗФ, через посредство чего и достигается его адекватное осмысление и выделение, это своего рода *объективированное описание субъективных чувств и оценок*. Назовем такое объективированное описание субъективной ситуации в ХТ *именем эмотивности*.

Через совокупность семных составов со значением эмотивного признака проявляется *образ производителя речи* (ОПР). ОПР – это некоторое значимое для сознания восприятия содержание, присущее говорящему, в котором проявляется коммуникативное намерение автора, это тот случай, когда автор смыкается в своих эмоционально-оценочных квалификациях с говорящим персонажем. ОПР – это совокупный продукт акта говорения в ХТ с разделенной, общей точкой зрения субъективного свойства на отмеченное в тексте содержание. Это возможно только тогда, когда наблюдается различного рода семантическое согласование семных составов слов со значением эмотивного признака, принадлежащих разным субъектам говорения.

Такой отрезок текста, который насыщен эмоциогенным материалом, способным к его переводу субъектом аналитического сознания в имя эмотивности с доминирующим признаком коннотативно очерченной альтернативы по линии “приятие – не-

приятие”, представляет собой некоторое пропозитивное содержание, ограниченное субъективно-модальным планом, наведенным на общую коммуникативную перспективу текста, поэтому он с необходимостью очерчен соответствующей модальной рамкой. Наличие модальной рамки, обрамляющей то или иное семантическое пространство текста, является необходимым условием для выделения того или иного КЗФ.

В таком случае КЗФ представляет собой ту часть необходимой информации ХТ, которая может быть отмечена именем эмотивности, обладает категорией ОПР, очерчена модальной рамкой со значением единой текстовой модальности. В КЗФ содержится только концептуально значимая информация – значимая для коммуникативного намерения говорящего. Поэтому при дешифровке авторского замысла субъекту восприятия в первую очередь, помимо всех других видов информации, заключенной в тексте, необходимо учитывать содержание КЗФ, удерживать его в памяти на всем протяжении осмысления общего содержания текста, представлять его не только в совокупности с содержанием других КЗФ текста, но и в их взаимосвязанности, в их линейно развернутой последовательности, в их динамической прогрессии.

Так, например, в “Выстреле” первый КЗФ отмечен словами со значением конечных точек темпорального признака ‘утром – вечером’ в его полной исчерпанности, но при этом с полным отсутствием хоть какой-то наполненности промежуточного объема между ними. Помимо того, в данном КЗФ используется прием параллелизма форм в виде однородных членов предложения, усиленных при общей семантике ‘отсутствия бытия’ местоименными числительными в значении, сближенном со значением модальной частицы. Прием параллелизма, усиленный общим значением всеохватного отрицания, которое, к тому же, вынесено в качестве итогового пункта в семантически сильную позицию конца КЗФ, является актуализированным языковым средством, выражающим на основе коммуникативно установленной здесь возрастающей градации высшую степень однотипности обозначенных в заданном КЗФ явлений и их коннотативных характеристик с общим значением ‘неприятя’. Высокая плотность слов со значением отрицания здесь также показательна и обеспечивает общую эмотивную тональность, которую можно отметить именем со значением повышенного эмоциогенного эффекта ‘скука, тоска’. Ср.: *Мы стояли в местечке ***. Жизнь армейского*

офицера известна. Утром ученье, манеж; *обед у полкового командира или в жидовском трактире; вечером* пунчи и карты. В *** **не было ни одного открытого дома, ни одной невесты; мы собирались друг у друга, где, кроме своих мундиров, не видали ничего.** Персонаж, представленный здесь в качестве диегетического повествователя, становится субъектом общих и совершенно однозначных оценок и суждений, разделенных с миром персонажных линий и общечеловеческих тривиальных установок, поэтому может быть квалифицирован как образ производителя речи (ОПР). Из вышеозначенного лингвистического материала понятно, что ему свойственно субъективное отношение к пропозитивно заданному содержанию, отмеченное именем эмотивности ‘скука, тоска’, а отсюда и базовым коннотативным признаком со значением ‘неприятие’. Значит, данное пропозитивное содержание очерчивается модальной рамкой во главе с именем эмотивности ‘тоска, скука’ при доминирующем в нем коннотативном признаке с общим значением ‘неприятие’.

КЗФ № 2 насыщен словами неопределенно-квалификативной семантики **один только человек; многие преимущества; какая-то таинственность.** Эти слова обозначают совершенно неопределенный и в то же время выделяющийся среди других персонаж как субъект речи. Обилие слов со значением общего и обобщенного отрицания в рамках заданного КЗФ – **никогда; никто не знал; никто не знал ни; никто не осмеливался; никогда не требуя; никогда не возвращал; никто б не усумнился; никогда не вмешивался** – способствует представлению субъекта речи не только в максимально обобщенном, но и в максимально отстраненном, к тому же, как думается, намеренно гипертрофированном повествователем виде. Характеризующие его на начальном этапе признаки здесь “упаковываются” рассказчиком в смыслы, вступающие между собой в отношения на основе актуализированной амбивалентности: **“многие преимущества – обыкновенная угрюмость, крутой нрав и злой язык – имели сильное влияние; казался русским, а носил иностранное имя; жил он вместе бедно и расточительно; ходил вечно пешком, в изношенном черном сертуке, а держал открытый стол для всех офицеров; обед его состоял из двух или трех блюд, изготовленных отставным солдатом, – но шампанское лилось при том рекою; богатое собрание пистолетов – было единственной роскошью – бедной мазанки, где он жил”.** Столкновение семных составов со значени-

ем совершенно противоречащих друг другу признаков в виде характеризующих субъект речи предикатов не только заставляет обратить на себя внимание адресата, но и позволяет думать о них как о концептуальных, потому что квалифицирует неопределенный субъект речи с весьма неординарной и неожиданной, а поэтому весьма примечательной точки зрения. Адресат поневоле должен поставить перед собой вопрос, с какой целью и почему неопределенный субъект речи соотнесен со столь противоречивыми характеристиками. Первоначально заданная неопределенность актуализированного в повествовании субъекта персонажа здесь увеличивается и находится в состоянии динамически возрастающей прогрессии. Размещенная в конце данного КЗФ фраза сентенционного назначения **“Есть люди, коих одна наружность удаляет таковые подозрения”**, имеющая своей непосредственной целью разубедить читателя в ранее скрепленном с субъектом речи признаком ‘робость’, на самом деле, нисколько не проясняет общего положения дел и не делает персонажную характеристику более определенной. Перекликающийся по общей эмотивной тональности с данным КЗФ последующий отрезок семантического пространства текста лишней раз подтверждает таким образом воспринятую соотнесенность с выделенным субъектом речи его рассогласованных признаков как особую концептуально выделенную значимость, потому что она здесь становится совершенно определенной и однозначно номинированной самим диегетическим повествователем – **“я всех сильнее прежде всего был привязан к человеку, коего жизнь была загадкой и который казался мне героем таинственной какой-то повести”.** Диегетический повествователь при этом, выступая в качестве ОПР, выражает свое очевидное субъективное отношение к актуализированному пропозитивному содержанию фрагмента, отмеченное коннотацией со значением семантически ведущего признака ‘приятие’. Таким образом, в целом данное пропозитивное содержание очерчивается модальной рамкой во главе с именем эмотивности ‘тайна, загадка’ при доминирующем в нем коннотативном признаке с общим значением ‘приятие’.

В итоге выводимая на основе анализа двух взаимодействующих между собой КЗФ оценка актуализированных эмоциогенных эффектов, заданная точкой зрения ОПР, полярна и соответствует двум рассогласованным именам эмотивности с общим значением ‘скука’ и ‘тайна’, а также альтернативным коннотативно-характеризующим при-

знакам 'неприятие' для КЗФ № 1 и 'приятие' для КЗФ № 2. Эти КЗФ, создающие две совершенно противоречащие друг другу эмотивные тональности, вступают между собой в семантические отношения уступительно-противительного характера и тем самым обращают на себя внимание сознания, воспринимающего данные смыслы, обязывая его интерпретировать их в качестве концептуально значимых. Именно семантические отношения, устанавливающиеся между модальными рамками КЗФ и их доминирующими эмотивными смыслами, становятся тем обязательным и объективным по своим основным свойствам импульсом, который предопределяет необходимость и органичную потребность субъекта восприятия вникнуть в их содержание и интерпретировать их. Так, шаг за шагом, по мере продвижения и развития фактуально-концептуального содержания в тексте сознание восприятия неизбежно примечает такие его показательные отрезки, которые, вступая между собой в смысловые отношения, становятся не только примечательными и наведенными на общий коммуникативный замысел говорящего, но и предопределяют сам путь дешифровки данного замысла – от звена к звену и так до полного представления интерпретатором всей семантической цепочки вслед за ее развитием субъектом креативного сознания. Протягивание имен эмотивности с возглавляющим их коннотативно-характеризующим признаком в единую семантическую цепочку и представление организующих КЗФ модальных рамок в их динамической прогрессии может стать механизмом интерпретации основных смыслообразующих отрезков текста и дешифровки его коммуникативного назначения.

Поэтому нельзя думать, что только количественный параметр компонентов как выразителей эмотивности текста и та или иная их квалификация столь существенны сами по себе. Точнее, не только и не настолько существенны. Существенно то, что такие компоненты, вступая между собой в различного рода семантические отношения, способны быть суммированными субъектом восприятия и обобщенными в виде таких сгустков коммуникативно значимой и субъективно ориентированной информации, которую сознание адресата может представить в виде объективированного описания субъективно представленной в отрезке текста информации. Действительно, тот отрезок семантического пространства ХТ, который в плане употребления и коммуникативно означенного расположения в нем семных составов с общим значе-

нием 'имеющий отношение к проявлениям внутреннего мира человека' и который способен быть отмечен соответствующим именем эмотивности как объективированным описанием субъективно представленных здесь смыслов, потенциально предрасположен функционировать в тексте как КЗФ. Но этого еще недостаточно. Такой отрезок семантического пространства ХТ с именем эмотивности, вынесенным субъектом восприятия за рамки его пропозитивного содержания, должен показательно взаимодействовать на основе коммуникативно значимых и наведенных на общую коммуникативную перспективу текста смыслов с эмотивным именем такого же свойства другого КЗФ. Только показательные семантические отношения, устанавливаемые (вольно или невольно) субъектом восприятия между именами эмотивности, способными отметить тот или иной КЗФ, дают ту необходимую для относительно полной и объективной интерпретации канву, которая может быть лингвистически выверенной, а поэтому материально воплощенной в художественный вымысел основой его анализа.

В связи с этим гораздо более существенным для анализа компонентов смысловой организации ХТ оказывается достаточно широкий репертуар тех внутренних отношений, в которые способны вступать между собой КЗФ. Как показывает анализ фактического материала, добытого из прототипических художественных текстов повествовательной формы, эти контакты между коммуникативно значимыми компонентами могут быть нескольких основных разновидностей:

1) *поглощающими*, при которых КЗФ поглощает один или сразу несколько других КЗФ;

2) *перекрестными*, при которых КЗФ, соответствующий одному или нескольким КЗСЭ, пересекается с одним или несколькими другими КЗФ;

3) *отменяющими*, при которых КЗФ, принадлежащий зоне действия одних КЗСЭ, отменяет КЗФ, принадлежащие зоне действия других КЗСЭ;

4) *замещающими*, при которых КЗФ, принадлежащий зоне действия одних КЗСЭ, затеняя субъективно-оценочное значение предшествующего КЗФ, возмещает КЗФ, соответствующий зоне действия последующих КЗСЭ (как это свойственно, к примеру, взаимодействию КЗФ № 1 и КЗФ № 2 для проанализированного здесь отрезка художественного текста, принадлежащего повести А.С. Пушкина "Выстрел");

5) *интерпретирующими*, при которых один КЗФ, соотношенный с модальными рамками соот-

ветствующих КЗСЭ, поясняет, каким-то образом истолковывает, интерпретирует, делает по смыслу несколько иной для субъекта восприятия оценочно-субъективную ориентацию других КЗФ, соотношенных с модальными рамками других КЗСЭ;

б) *продвигающими*, при которых одни КЗФ развивают, содержательно добавляют и углубляют объем оценочно-модального содержания других КЗФ, и некоторыми другими.

Границы КЗФ и границы КЗСЭ могут совпадать, но чаще всего не совпадают. В “Выстреле”, например, можно выделить 14 КЗФ на фоне уже ранее выделенных 56 ССЦ и 10 КЗСЭ. Если позволить образное выражение, то можно сказать, что модальный шаг, как правило, шире и значительнее для успешной дешифровки коммуникативной цели, чем шаг событийный. Следовательно, смысловая организация ХТ представляет собой “разлитую” по всему пространству текста эмотивность. Те эмотивные значения, которые можно перевести в имена эмотивности, способные стать знаком квалификации текстовой модальности, можно считать первоэлементами, формализующими репрезентацию коммуникативного замысла говорящего в ХТ. Поэтому выявление КЗФ, установка их модальных рамок и проникновение в характер смысловых отношений одних КЗФ с другими представляет собой процедуру семантического и концептуального анализа ХТ, способствующего максимально достоверному выявлению авторского замысла, тенденциозно представленного в ХТ коммуникативного намерения. Схематично такую процедуру представляется возможным записать следующим образом:

ЭЗ → ЭИ1 → ТМ1 → МР1 ↔ КЗФ1
 ЭЗ → ЭИ2 → ТМ2 → МР2 ↔ КЗФ2
 ЭЗ → ЭИ3 → ТМ3 → МР3 ↔ КЗФ3 ...

где ЭЗ – слова со значением эмотивного признака; ЭИ – имя эмотивности; ТМ – значение текстовой модальности; МР ↔ КЗФ – модальная рамка, которой отмечен концептуально значимый фрагмент. В этом случае процедура, связанная с интерпретацией коммуникативного замысла ХТ (КЗ), схематично должна быть представлена как взаимодействие на уровне семантических отношений между КЗФ:

КЗ ← КЗФ1 ↔ КЗФ2 ↔ КЗФ3 ... (до полной их исчерпанности).

В соответствии с такой диспозицией анализа смысловой организации художественного текста в нем предусматривается выделение *трех основных*

компонентов, имеющих коммуникативную ценность и оформляющих концепцию его содержания:

КЗСЭ – концептуально значимого сюжетного эпизода;

КЗП – концептуально значимых предикатов как актуальных эмотивных смыслов;

КЗФ – концептуально значимого фрагмента.

Главным и концептообразующим для содержания ХТ становится КЗФ, так как КЗСЭ является той основой, тем фоном, на базе которого КЗФ творится и выделяется, а КЗП являются теми первоэлементами актуального эмотивного смысла, за счет которого формируется необходимая для организации КЗФ его модальная рамка.

Такой лингвистический анализ художественного замысла литературного произведения, бесспорно, не даст исчерпывающего и вполне удовлетворяющего ответа на общий запрос постижения “многоголосия” и “полифонии” наисложнейшей образной организации ХТ, но может стать тем необходимым и предваряющим шагом на пути погружения в нее любым сознанием субъекта восприятия, способствуя его адекватной подготовке к интерпретации концептуального смысла текста на совершенно объективных, материально выверенных основаниях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабенко Л.Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989.
2. *Барт Р.* Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Издательская группа “Прогресс”, “Универс”, 1994. – С. 424–461.
3. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981.
4. *Дымарский М.Я.* Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.) / М. Я. Дымарский. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
5. *Чернейко Л.О.* Художественный текст как чтение и его филологическая интерпретация / Л. О. Чернейко // Текст. Структура и семантика. – Т. 1. – М.: “Спорт-АкадемПресс”, 2001. – С. 145–157.
6. *Шаховский В.И.* Текст и его когнитивно-эмотивный строй // Шаховский В. И., Сорокин Ю. А., Томашева И. В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). – Волгоград: Перемена, 1998.
7. *Шмелев А.Д.* Русский язык и внеязыковая действительность / А. Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002.